

И. С. Зильберштейн,
лауреат
Государственной премии СССР

«И скоро силою вещей Мы очутились в Париже»

Предлагаем читателям третью главу будущей книги известного советского писателя и ученого И. С. Зильберштейна «Парижские находки. Эпоха Пушкина». Две первые главы этой книги были опубликованы в предыдущем номере альманаха (№ 2 за 1986 год).

Зловещая красавица

Сейчас речь пойдет о привезенном мною из Парижа шедевре русской акварельной живописи. Этот великолепный портрет возвращает нас к одной из загадок биографии Пушкина. Но прежде чем коснуться этой загадки, коротко расскажу о том, как неожиданно портрет обнаружился.

После гражданской войны в числе многих русских эмигрантов за рубежом оказался офицер генерального штаба А. А. Попов, потомственный военный. Он происходил из семьи, несколько поколений которой служили Родине, — так, дед его был генеральным консулом в Кадиксе в Испании, отец достиг чина генерала и был атаманом Войска Донского. Судьба Александра Александровича сложилась иначе — он оказался за рубежом в самовольном изгнании. Но к чести этого человека надо сказать, что в нем не только никогда не угасали любовь к русской культуре и огромный интерес к русской истории, но более того — это стало подлинной страстью, приведшей его к глубокому изучению русского изобразительного искусства. И так как Попов был настоящим самородком — за что бы ни брался, он, как правило, овладевал предметом в совершенстве, — вскоре Александр Александрович, человек смолоду очень далекий от художественных интересов, стал одним из крупнейших в Париже антикваров — знатоков русского изобразительного искусства. Например, стоило ему взять в руки тарелку, о которой владелец утверждал, что это елизаветинский фарфор, хранящийся в его семье полтора года, как А. А. Попов, внимательно осмотрев ее, а затем возвращая владельцу, отвечал с учтивой улыбкой: «Советую вам, милостивый государь, не стесняться, есть из этой тарелки суп и борщ, так как другой ценности она не имеет: это подделка, выполненная в Висбадене лет десять — двенадцать назад». И с изысканной вежливостью он объяснял хозяину злополучной тарелки, что после 1917 года, когда из России было вывезено много замечательных произведений искусства, старый русский фарфор стал высоко котироваться у иностранных коллекционеров, и его начали подделывать.

В 1939 году в выходившем в Париже журнале «Иллюстрированная Россия» была напечатана заметка, в которой сообщалось: «Герцогиня Виндзорская вообще очень увле-

кается всем русским, и в особенности антиквариатом. Недавно она рассказала английскому журналисту о том, что знает «очень странных русских людей». У них антикварный магазин на рю Фобур Оморэ, как раз против дворца президента республики. Я часто бываю здесь. Но какие же это торговцы! Они — коллекционеры, и самые лучшие вещи уносят из магазина к себе в квартиру, а потом не хотят с ними расстаться.

Читатель узнал в этом портрете известного русского коллекционера П(опо)ва, фарфор, картины и мебель которого так содействовали успеху прошлогодней пушкинской выставки».

Русскую живопись Попов знал превосходно. Благодаря этому он собрал превосходную коллекцию произведений выдающихся русских художников и мечтал о том, чтобы в будущем передать ее на родину. Имеется описание этой коллекции, сделанное А. Н. Бенуа — маститый художник и искусствовед восторженно отзывался о собирательском таланте владельца коллекции.

По рекомендации А. Н. Бенуа я начал переписываться с А. А. Поповым. Вскоре он прислал мне в подарок свою книгу — историческую поэму «Григорий Орлов», снабженную иллюстрациями А. Н. Бенуа и А. Б. Серебрякова (на мысль о создании поэмы автора натолкнула находка сервиза — подарка Екатерины II своему фавориту Григорию Орлову). Но то были последние годы жизни А. А. Попова. В 1964 году он скончался в возрасте 83 лет. После смерти Александра Александровича переписку я продолжал с его вдовой, — они прожили вместе около пятидесяти лет, и Берта Ефимовна на протяжении всей их совместной жизни была помощницей мужа и горячо интересовалась его поисками и находками.

Во время пребывания в Париже я несколько раз был у Б. Е. Поповой. Она любезно разрешила мне ознакомиться с имеющимися у нее произведениями русских художников, за что я приношу ей свою сердечную признательность.

И вот, рассматривая один из альбомов, в которых находились акварельные портреты первой половины прошлого века, я с удивлением остановился на изображении удивительно красивой женщины, и не только потому, что это была превосходного качества и притом редкой сохранности акварель, подписанная П. Ф. Соколовым, лучшим акварелистом пушкинской поры, но и потому, что меня потрясло обозначенное под портретом имя этой женщины. На паспарту чернилами старинным почерком было написано: «Idalia Poléitica», а затем «fille du comte Grégoire» (дочь графа Григория) — с трудом читаемая, так как она почти стерлась, надпись карандашом. Так вот какой она была в молодости, эта зловещая женщина! Я вспомнил, что когда в конце 1920-х годов известный пушкинист П. Е. Щеголев готовил третье издание своего исследования «Дуэль и смерть Пушкина» и хотел дать в нем портрет Идалии Полетики в молодости, он ничего не нашел (ее портрет с ребенком, который был на пушкинской выставке в Петербурге в 1899 году и воспроизведен в каталоге выставки, явно изображал Полетику в более зрелом возрасте и относился к позднему периоду, уже после смерти Пушкина).

В чем же загадка отношений Пушкина и этой женщины? Она ненавидела поэта настолько, что организовала у себя на квартире свидание ничего не подозревавшей Натальи Николаевны с Дантесом, т. е. выступила в постыдной роли сводни. Откуда эта ненависть? За что она мстила Пушкину?

Самое удивительное, что Пушкин бывал в доме ее отца, графа Григория Александровича Строгонова, который приходился ему своим родственником, и хотя разница их возраста равнялась тридцати годам, они были настолько дружны, что после гибели поэта Строгонов взял на себя все хлопоты по его похоронам и все расходы и стал председателем Опеки над детьми Пушкина и имуществом. И с матерью Идалии — португальской графиней д'Оейнгузен, по первому браку графиней да-Ега, Пушкин также был в хороших отношениях; последние дни жизни поэта она провела на его квартире.

Что же могло вызвать ненависть к поэту их дочери? Современник утверждает, что Идалия Полетика «была известна в обществе как очень умная женщина, но с весьма злым языком». По другим отзывам, Идалия «олицетворяла тип обаятельной женщины... складом блестящего ума, веселостью и живостью характера, доставлявшим ей всюду постоянный несомненный успех». И в то же время в литературе существует авторитетное свидетельство о том, что когда-то Пушкин не вынул «сердечным излиянием» Идалии Григорьевны, «и однажды, едучи с нею в карете, чем-то оскорбил ее». Все это, очевидно, относится к ранним годам Идалии. И Пушкин к ее «сердечным излияниям» отнесся насмешливо — это вполне возможно. Не исключено, что неароком он насмерть обидел едким словом будущую красавицу. Далее. К ней, несомненно, относится рассказ В. П. Горчакова, близкого знакомого Пушкина, о том, что одна «светская красавица», не имея «никаких особых прав на его преданность», хозяйка аристократического салона, где бывал поэт, обратилась к нему с просьбой написать «что-нибудь» в альбом. Причем, как подчеркивает мемуарист, это «не было просто просьбой простодушного сердца, а чем-то вроде требования по праву». Пушкин ответил, что он не мастер писать в альбомы. «Э, полноте, ш-г Пушкин, — заметила баловень, — к чему это, что за умничанье, что вам стоит». И вслед за этим, сообщает свидетель, «Пушкин вспыхнул, но согласился». И действительно, на следующий день, когда у хозяйки салона были гости, принесли альбом, в котором оказались стихи Пушкина, причем такие, от которых ее глаза «вспыхнули самодовольствием».

Мемуарист говорит: «Знаю только то, что в этом послании каждый стих Пушкина до того был лучезарен, что, казалось, бриллианты сыпались по золоту, и каждый привет так ярок и ценен, как дивное ожерелье, нанизанное самую Харитию в угоду красавице». Но через час-другой один из гостей вновь прочитал стихотворение и, поняв в чем дело, невольно вскрикнул: «Боже, что это?» Затем хозяйка, быстро пробежав строки, «вся вспыхнула, на лице выступили пятна, глаза сверкнули и альбом полетел в другую комнату». Оказывается, в конце стихотворения, вместо должного числа, Пушкин поставил: «1 апреля».

Именно к таким, как Полетика, относились строки Пушкина в «Евгении Онегине»:

*Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!*

И других поэтов Пушкин увещевал не «прославлять надменных», и сам этого не делал.

Если рассказ В. П. Горчакова точен, то он тем более подтверждает, что у Идалии не могло не быть обиды: ей, одной из красивейших женщин Петербурга, Пушкин в действительности не посвятил ни строчки, тогда как молоденькой Олениной, ничем как будто не примечательной, даже Анне Керн, и многим, многим другим, поэт щедро посвящал свои стихи... Можно ли это простить?

Так или иначе, ненависть свою Идалия затаила, и светские отношения поддерживались. В 1829 году она вышла за офицера кавалергардского полка А. М. Полетику, который, по-видимому, был во многом под стать своей жене. П. И. Бартевев, один из первых биографов Пушкина и редактор журнала «Русский архив», встречавшийся и беседовавший со многими друзьями и близкими знакомыми поэта, внес в свою записную книжку такие строки об Александре Полетике: «Это был наглец. Во время польского похода 1831 года он жила в счет графа Д. Н. Шереметьева и даже завладел его вещами и самой походной палаткой. Приятелем ему был кавалергард, убийца Пушкина, Дантес. Его квартира находилась в Кавалергардских казармах и именно в ней Идалия устроила, не предупредив Наталью Николаевну, ее свидание с Дантесом».

Дантес зачислен был в этот полк в феврале 1834 года всего лишь корнетом, а к 1836 году дослужился до чина поручика. А Александр Полетика был в это время уже полковником.

Вероятно, мысль о мести Пушкину давно зрела в Идалии Полетике.

За полгода до трагических событий в жизни поэта в лейб-гвардии Кавалергардском полку, в котором служил Дантес, разыгралась скандальная история, «героиней» которой оказалась та же Идалия Полетика. Прослышав об этом в дни пребывания в Москве, Пушкин написал оттуда жене 6 мая 1836 года:

«Что Москва говорит о Петербурге, так это умора. Например: есть у вас некто Савельев, кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблен он в Idalie Полетику и дал за нее пощечину Гринвальду. Савельев на-днях будет расстрелян. Вообрази, как жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние все разузнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц».

В сообщении Пушкина не все точно, да это и понятно, так как поэт находился в Москве и до него дошли лишь слухи. Но доподлинно известно, что Савельев был отстранен от службы и «согласно просьбе его» определен рядовым в Нижегородский драгунский полк, принимавший участие в военных действиях на Кавказе. Если же остальное в том, о чем

пишет Пушкин, и соответствует истине, то можно представить себе, какова была репутация Идалии в мужских кругах высшего света, если командир одного из самых аристократических полков империи, генерал-майор Р. Е. Гринвальд, мог позволить себе оскорбительно отозваться об этой женщине, и по-видимому, о таком ее поведении, при котором она начисто роняла в глазах людей строгих нравов свое женское достоинство. Репутация Поветики стала притчей во языцех, если начальник кавалергардов так отозвался о ней, жене командира эскадрона вверенного ему полка, Гринвальд мог сделать это для того, чтобы открыть глаза своему подчиненному, которого, как и Пушкин, считал «прекрасным молодым человеком». Характерно, что, по мнению поэта, Идалия во всей этой истории «жалка», — значит, своим поведением она давала основания так говорить о себе. А в письме разговор об Идалии оказался к тому же для Пушкина мостиком к сообщению жене о толках в ее родном городе о ней самой. И наконец, в качестве подтекста, у Пушкина могла быть мысль: остерегайся идти по стопам Идалии.

Мы знаем, сколько горя причинила поэту эта женщина, устроив у себя роковое свидание. Жена большого друга Пушкина говорила, что Поветика «сводила Геккерена Дантеса с Натальей Николаевной, которая с ужасом рассказывала княгине Вяземской, что однажды Идалия нарочно оставила ее вдвоем с Геккереном, и что положение ее делалось критическим, но ее спасла вбежавшая в комнату девочка, дочь Идалии». Имеется свидетельство и о том, что во время этой умышленно подстроенной встречи Дантес, выхватив револьвер, грозил застрелиться.

Весьма возможно, что именно Идалию Поветику имел в виду граф В. А. Соллогуб, когда в своих воспоминаниях сообщил подробности своей встречи с Пушкиным в начале ноября 1836 года. К тому времени он уже получил «диплом» и подозревал, что в его составлении участвовала одна дама, и даже назвал ее фамилию. Но в своих воспоминаниях Соллогуб от этого воздержался.

А в записях П. И. Бартечева, которые он делал после встреч с друзьями и знакомыми Пушкина, имеются такие строки: «Есть повод думать, что Пушкин, зная свойства г-жи Поветики, оскорблял ее, и что она из чувства мести была сочинительницей анонимных писем, из-за которых произошел роковой поединок».

В недавние годы во Франции отыскались два письма Идалии Поветики к Дантесу, которые он получил, находясь после дуэли под арестом. Их обнаружил, работая над биографией Пушкина, французский писатель Анри Труайя, имевший доступ к архиву Дантеса. Эти письма с предельной ясностью свидетельствуют о том, с каким обожанием Поветика относилась к убийце великого поэта. Вот строки, имеющиеся в первом из них (оба письма по-французски, даем их в переводе): «Бедный друг мой, при мысли о вашем заключении сердце кровью обливается. Не знаю, чего бы я не дала, чтобы прийти немного поболтать с вами; мне кажется, что все, что произошло, это сон, но дурной сон, чтобы не сказать «кошмар», так как в результате я лишена возможности вас видеть... До свиданья, мой

прекрасный и милый узник, я не теряю надежды увидеть вас до вашего отъезда. Ваша всем сердцем». Итак, «все, что произошло», для Поветики «кошмар» только потому, что она лишена возможности видеть Дантеса!!!

По получении этого письма Дантес, очевидно, попросил своего приемного отца, голландского посланника барона Геккерена, передать Поветике в подарок браслет или кольцо. Вот что она тогда написала Дантесу: «У вас есть дар заставлять меня плакать, но на этот раз это слезы, которые облегчают, потому что ваш подарок на память донельзя меня трогает, он больше не покинет моей руки; но я сержусь на вас, друг, за то, что вы думаете, будто стоит вам уехать, и я забуду о вашем существовании; это доказывает, что вы меня еще плохо знаете, потому что если уж я люблю, то люблю крепко и навсегда».

И конечно, Поветика с полным основанием могла бы сказать о себе, что если она ненавидит, то ненавидит «крепко и навсегда».

А когда через несколько дней Дантес был выслан за границу, его жена Екатерина Гончарова писала ему: «Idalie приходила вчера на минуту с мужем; она в отчаянии, что не простила с тобой... она не могла утешиться и плакала, как безумная».

В архиве Дантеса сохранились также несколько писем Идалии Поветики к его жене. Самое интересное из них то, что было отправлено в конце 1838 года: «Я вижу довольно часто ваших сестер у Строгановых, но отнюдь не у себя: Натали не имеет духа придти ко мне; мы с ней очень хороши; она никогда не говорит о прошлом: оно не существует между нами; и поэтому, хотя мы с ней в самых дружеских отношениях, мы много говорим о дожде и о хорошей погоде, которая, как вы знаете, редка в Петербурге... Натали всё хороша, хотя очень похудела... Ее дети хороши, мальчики в особенности похожи на нее и будут очень красивы, но старшая дочь — портрет отца; это великое несчастье».

Каждая фраза в этом письме наполнена большим внутренним содержанием, в каждой фразе чувствуется голос врага Пушкина, сыгравшего страшную роль в тех роковых событиях, которые привели к его гибели.

Думается, что найденный портрет Идалии Поветики как бы поясняет в некотором роде характер злой красавицы. И неспроста она позировала художнику в горностае: драгоценный мех должен был подчеркнуть, что портрет изображает даму из высшего общества, хотя все знали, что она незаконнорожденная и не могла носить фамилию отца. Последнее обстоятельство несомненно явилось причиной того, что самолюбие Идалии на всю жизнь оставалось ущемленным. Что же касается ее внешности, то она действительно была прекрасна. И все же есть в этом лице, особенно в красивых голубых глазах, что-то самодовольно-надменное, властное и холодное. Такая вполне могла затаить ненависть против поэта, знавшего ее и никогда не воспевшего. И не в этом ли ответ на загадку, о которой шла речь? Мне это представляется и возможным и вероятным. И не показательно ли, что, пережив поэта на пятьдесят четыре года, она не написала ни строчки воспоминаний о нем! Более того. Ко времени смерти Идалии Поветики (27 ноября 1890 года) уже десять лет высился в Москве памятник Пушкину — вы-

Идалия
Полетика.
Акварельный
портрет

ражение неугасаемой любви народа к своему поэту. Один этот факт был тягчайшим укором роковой женщине, не остановившейся перед подлостью, чтобы утолить свою ненависть к нему. И если кто подумает, что хотя бы тогда, на закате жизни, ее мучили угрызения совести, тот ошибается.

В те годы она жила в Одессе, где ее брат по отцу А. Г. Строганов был генерал-губернатором. П. И. Бартнев, побывав весной 1889 года в этом городе в поисках архивных материалов, хотел встретиться с Идалией Полетикой, чтобы записать ее воспоминания о Пушкине. Но вскоре понял, что это безнадежно. Вот строки, внесенные Бартневым в свой путевой дневник 12 апреля 1889 года: «Я только видел ее, но не знал: ей было

достаточно, что я печатаю о Пушкине, чтобы не желать моего знакомства. Она ненавидела Пушкина. Нрава она была резкого или, что французы называют *acariatre* (сварливый, неуживчивый). Смешно и для г-жи Полетики позорно, что ныне, в глубокой старости, она не стыдится клясть Пушкина. Она говорит, что ее оскорбляет воздвигаемая в Одессе статуя Пушкина, и что она намерена поехать и плюнуть на него, что был изверг».

Страшное существо, ненавидевшее Пушкина, осталось верным себе до гроба.

Такой была Идалия Григорьевна Полетика, которую в молодые годы изобразил первоклассный русский акварелист П. Ф. Соколов.

Сейчас нелегко установить все этапы пути,

пройденного этим акварельным портретом за первые сто тридцать лет его существования, то есть до 1966 года, когда я обнаружил его у Б. Е. Поповой. Пока все же удалось выяснить, что существовал старинный альбом, состоявший из одних только акварелей П. Ф. Соколова. Накануне революции он принадлежал Софии Владимировне фон Ден, урожденной Шереметевой. Наследовала она его, видимо, от своей матери графини Елены Григорьевны Строгановой, дочери великой княгини Марии Николаевны от ее второго брака с графом Г. А. Строгановым-младшим. Этот Строганов был внуком отца Идалии Полетики; а отец — тем одесским генерал-губернатором, у которого она провела последние годы своей жизни. Теперь понятно, почему портрет находится в этом альбоме. — Идалия Полетика ведь была теткой Строганова-младшего, женившегося на Марии Николаевне, дочери Николая I. После революции С. В. фон Ден привезла альбом в Рим, где она и скончалась. В начале 1930-х годов альбом был отправлен в Париж, и здесь акварели Соколова были распроданы отдельными листками. А. А. Попов приобрел некоторые из них, в том числе портрет Идалии.

В заключение рад сообщить, что в результате моей настойчивой просьбы Б. Е. Попова пришла к решению это замечательное художническое произведение отправить на родину. О том же попросил, увидев у нее акварельный портрет В. А. Жуковского, исполненный П. Р. Рейтерном. Б. Е. Попова выполнила и другую мою просьбу — отправить на родину для Третьяковской галереи две превосходные картины — М. С. Сарьяна и Э. И. Серебряковой.

Что же касается портрета Идалии Полетики, то я передал его в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве на Кропоткинскую. Сюда же передал и акварель Гергардта Рейтерна, изображающую В. А. Жуковского. И не будет ли посмертным возмездием злойшей красавице то презрение, с которым станут рассматривать ее изображение все те, для кого Пушкин — самая великая и самая светлая поэтическая вершина нашей Родины.

Когда речь идет об Идалии Полетике, необходимо сказать и о том, что злым отношением к Пушкину, беспредельным человеконенавистничеством зарекомендовал себя ее брат по отцу, граф А. Г. Строганов. С ним был знаком в молодые годы А. И. Герцен, так как служил под его начальством. Недобрым словом он поминал А. Г. Строганова в «Былом и думах», в своих обличительных статьях, где писал о его «отвратительной грубости», о его обличье «сатрапа, защитника розог». Вот текст заметки, появившейся в герценовском «Колоколе»:

ЕЩЕ РАЗ КОРНЕЛЕВСКОЕ „ONEMON-RUTWST“¹

Новороссийский Строганов, сильный лаконическими словами, говорят, прославил себя вновь после своего спартанского: «Одесса шумит, я сделаю из нее Саратов!»

Из Бессарабии пришла к графу Строганову депутация колонистов с жалобой на страшные притеснения земской полиции.

Все их справедливые рассказы о противозаконных действиях полиции наследник рим-

ских доблестей и пермских рудников² выслушал, не проронив ни одного слова; все просьбы их о защите не вызвали ни единого слова, граф молчал.

Тщетно ожидая ответа, колонисты вышли из себя, и один из них воскликнул:

— Что же, ваше сиятельство! Скажите, что нам делать? Они, пожалуй, и вешать нас начнут! Что же нам тогда делать, наконец?

— Висеть! — отвечал Строганов и проследовал во внутренние апартаменты».

П. И. Бартенев встречался с этим сводным братом Идалии Полетики и в своих воспоминаниях сделал о нем несколько записей. Вот одна из них:

«В Одессе дожил век свой преемник князя Воронцова на тамошнем генерал-губернаторстве граф Александр Григорьевич Строганов. Его долговечность дошла до того, что в газетах появился некролог его с подробным изложением служебного поприща. Граф прочел свой некролог, сделал некоторые поправки и жил потом еще несколько лет...» В Одессе он никому не подавал руки; будучи председателем тамошнего Общества Истории и Древности, он не снимал шапки в заседаниях. В Городской Думе сиживал с ним рядом в течение многих лет какой-то простолоудин и попросил однажды у него позволения понюхать табак из его открытой табакерки. Граф, отсыпав ему на ладонь табак, сказал: «Бери, а табакерку не погань грязными пальцами».

Другая запись Бартенева гласит:

«Граф А. Г. Строганов, вторя сестре (которая отчасти им командует), отзывается о Пушкине полупрезрительно, как о каком-то рифмоплете. Он говорил, что после поединка он ездил в дом раненого Пушкина, но увидал там такие разбойничьи лица и такую сволочь, что предупреждал отца своего не ездить туда».

В те же годы, что и Бартенев, видел в Одессе Идалию Полетику и ее сводного брата Л. М. Леонидов, в дальнейшем ведущий актер Московского Художественного театра. В своих воспоминаниях он пишет о них:

«Теперь несколько слов о современниках Пушкина, которых я видел. При мне в Одессе доживали свой век граф Александр Григорьевич Строганов — гражданин города Одессы, как его называли, — и сестра его Идалия Григорьевна Полетика. Я их звал глубокими стариками. Ему было девяносто шесть лет, а она немногим моложе.

А на моей памяти был такой случай: в Одессе была открыта добровольная подписка на памятник Пушкину. И вот председателю комитета по сбору пожертвований Знаменскому (он же председатель съезда мировых судей) было поручено нанести визиты почетным гражданам Одессы с просьбой внести свою лепту. Конечно, первый визит — к Строганову. Происходит приблизительно такой разговор:

Знаменский: Так и так, ваше сиятельство, соблаговолите пожертвовать на памятник Пушкину.

После большой паузы Строганов спрашивает: «Кому?»

Знаменский: Пушкину. Александру Сергеевичу, нашему великому гениальному поэту.

Пауза еще длиннее. Лицо Строганова покрывается красными пятнами, кровь приливает к голове графа. И вдруг неистовым голосом:

— Этому кинжалщику! Вон! Что смотрит полиция? Вон!!

...Очевидно, Строганов вспомнил стихотворение Пушкина, посвященное студенту Занду — убийце Коцебу, под заглавием «Кинжал».

Далее Леонидов говорит:

«Каждый день от четырех до шести вечера на Николаевском бульваре можно было наблюдать очень любопытную картину. По главной аллее, заложивши руки по-мужски назад, шагает еще бодрая старуха в сопровождении брата и захудалого генерала князя Трубецкого, того самого князя, который написал об отношениях Пушкина к Дантесу (Щегелев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3, с. 418—424). И вот эта тройка гуляет, спорит, постоит немного и опять пойдет. Созерцать этот осколок старины всегда доставляло мне огромное удовольствие. Изъяснялись они всегда по-французски. Ненависть Полетики к Пушкину была настолько сильна, что, когда великому поэту открыли памятник в Москве, она сказала, что очень сожалеет, что не могла присутствовать на открытии и тем самым лишила себя огромного удовольствия плюнуть в лицо памятнику. Даже полстолетия, отодвинувшие Полетику и Строганова от живого Пушкина, не изгладили остревенной ненависти, которую они питали к гениальному поэту. Ведь это они — представители гнусного общества — рукой Дантеса, с благословения Николая I убили Пушкина».

В 1966 году в альманахе «День поэзии» было напечатано стихотворение Демьяна Бедного, где шла речь об Идалии Полетике и ее сводном брате:

В ЭТОТ ДЕНЬ

(6 июня 1929 года исполнилось 130 лет со дня рождения поэта А. С. Пушкина).

Это число увековечено,

В календарях всех отмечено.

День рождения

Гения.

В этот день появился на свет

Величайший русский поэт.

В каком почете, однако же, лира:

Англии нет без Шекспира, Гете — Германии,

Без Сервантеса — Испании,

Без Данте Италии нет.

Вот что значит поэт!

Вот что значит — быть гением,

Чья жизнь — за редчайшим исключением —

Была непрерывным мучением!

Поэт был унижен, оплеван, загравлен,

Недобит иль — убит!

А как после смерти прославлен!

Как знаменит!

Но иной современник поэта, иначе,

И к лаврам посмертным относился иначе:

«Рифмоплет был и вдруг столько чести ему!

Почему? Не пойму!»

Справедлива ли, вправду, такая история:

Граф Строганов был, Александр, сын

Григория,

Генерал-губернатор! В чести при дворе!

А меж тем ни в едином календаре

Ни словечка о графе не говорится,

Не говорится — ну и дела! —

Что у этого графа сестрица была.

У графа. Сестрица.

Идалией, нежно так, звали ее,

А вам не в знатье?

Вам Пушкина чествовать надо?

Потому что

— Х-хамье!

— Стадо!

В своих статьях о Пушкине Анна Ахматова неоднократно вспоминает лихом Идалию Полетику, пишет о ее «змеином шипении», что она «заклятый враг Пушкина и приятельница Дантеса», «Люто ненавидела Пушкина».

Краткий вариант моей статьи «Зловещая красавица», где впервые был воспроизведен портрет Идалии Полетики кисти П. Ф. Соколова, появился в № 47 журнала «Огонек» за 1966 год. Рад, что эта статья в какой-то степени явилась началом углубленного изучения зловещей роли Полетики в судьбе и гибели Пушкина. Я имею в виду статью С. Б. Лоскина «Дело» Идалии Полетики», напечатанной в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 1980 год. Автор этой статьи дает преувеличенную оценку серии моих очерков, печатающихся в журнале «Огонек», когда пишет: «В 1966 году И. Зильберштейн возродил интерес к Полетике, опубликовав в «Огоньке» свои сенсационные «Парижские находки». Внимательно проанализировав имеющиеся в эпистолярной и мемуарной литературе сведения об Идалие Полетике, автор статьи приходит к выводу, что она была любовницей Дантеса.

Мне думается, что «дело» Идалии Полетики нельзя еще считать доведенным до конца.

Послесловие автора

55 лет тому назад, одержимый самой заветной мечтой молодых лет жизни, я получил возможность в марте 1931 года благодаря помощи директора Журнально-газетного объединения М. Е. Кольцова приступить к подготовке томов издания, посвященного публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Назвал я это издание «Литературное наследство». Сейчас количество вышедших книг нашего издания приближается к ста. Причем в сорока пяти из них мой исследовательский, научно-организаторский и редакторский труд.

Уже на заре существования «Литературного наследства» мне доводилось получать всего лишь благодаря письменному обращению фотографии хранящихся за рубежом реликвий русской литературы. Так, готовя в 1932 году гетевский том «Литературного наследства», я обратился в Гете-Шиллер архив в Веймаре с просьбой прислать нам копии писем русских корреспондентов Гете. И вскоре я получил фотографии 35 таких писем, в их числе отправленных ему В. А. Жуковским, В. К. Кюхельбекером. Я передал эти никому не ведомые материалы С. Н. Дурылину, и они весьма обогатили включенное в наш том его исследование «Русские люди у Гете в Веймаре».

В дальнейшем бывало и так: полученные из-за рубежа по моему письменному обращению творческие и эпистолярные материалы, принадлежащие перу великих русских писателей, стали первоосновой некоторых наших томов. Одним из них является 72-й том «Литературного наследства» — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». В основу тома легли 93 письма Горького к Анд-

рееву, автографы которых хранятся в Колумбийском университете в Нью-Йорке, а также 10 писем Горького к Андрееву, автографы которых оказались в Женеве, у старшего сына писателя Вадима Андреева. Полученные мною фотографии этих 103 писем и сделали возможным создание такого тома.

В такой же степени лишь благодаря тому, что многие десятилетия я дружил с главой французской школы славистов, иностранным членом Академии наук СССР Андреем Мазоном, мы смогли создать 73-й том (в двух книгах) «Литературного наследства» — «Из парижского архива И. С. Тургенева». В редакционном предисловии об этой моей работе сказано: «Произведения Тургенева и его переписка, впервые публикуемые в двух книгах этого тома, собраны И. С. Зильберштейном». Все это я смог выполнить лишь благодаря помощи академика Андре Мазона, а также благодаря собственным находкам, так как долгие годы я занимался выявлением неизданных материалов по Тургеневу.

Мои друзья — французские слависты, с которыми меня связывают самые добрые отношения и которых я многократно привлекал к участию в создаваемых «Литературном наследством» томах, а также французские литераторы, от встреч с которыми у меня сохранились самые душевные воспоминания, не раз приглашали меня приехать во Францию. В этой связи я прежде всего хочу назвать того же академика Андре Мазона, академика Жюльена Кэна, блестящего представителя французской культуры, возглавлявшего на протяжении тридцати пяти лет Национальную библиотеку в Париже (во время войны он был узником Освенцима), замечательного французского писателя Луи Арагона. Они часто приезжали в СССР и не раз говорили о том, что во Франции мне безусловно удалось бы выявить много интересных и ценных материалов по истории русской литературы, которые в конечном счете могут погибнуть. По правде говоря, я и сам не сомневался, что поездка во Францию даст мне возможность отыскать не только много интересных архивных материалов, — я был убежден, что найду также немало совсем неведомых у нас произведений выдающихся русских художников. Случилось, однако, так, что поездку я смог осуществить лишь в начале 1966 года.

Во Франции я провел тогда три с половиной месяца. Страну эту надо увидеть, чтобы понять, как был прав А. М. Горький, назвавший ее «прекрасной Францией». Но к великому моему сожалению, даже ее столица, этот бессмертный город, остался для меня «мимолетным Парижем». И если у Константина Паустовского были все основания так озаглавить свой превосходный очерк — в первый свой приезд он пробыл там всего два дня, — для меня Париж остался «мимолетным» потому, что с первых дней моего пребывания в нем, несмотря на бесконечное множество чудеснейших его достопримечательностей, меня захлестнула работа: стараясь не терять ни часа, я целиком ушел в поиски русских рукописей и произведений русского изобразительного искусства, и не напрасно: самые оптимистические мои надежды оказались превзойденными. У меня почти не было ни одного дня без находок, к тому же интересных.

Нужно сказать, что по количеству такого

рода материалов Франция еще совсем недавно занимала первое место среди зарубежных стран. Это объясняется тем, что после революции многие представители русской культуры эмигрировали в основном во Францию. В начале 1920-х годов там было несколько сот тысяч русских, из которых многие вывели из России свои семейные архивы, коллекции, многочисленные документы. Правда, в дальнейшие годы немало ценных рукописей крупнейших русских писателей и политических деятелей перекочевали в США. Тем не менее и поныне Франция еще очень богата русскими материалами. Думаю, не ошибусь, если скажу: нет такого выдающегося русского писателя прошлых времен, автографы которого, чаще всего неизданные, нельзя было бы обнаружить во Франции, так же как нет почти ни одного значительного русского художника или композитора, произведений которого, часто неизвестных в посвященной ему литературе, там не нашлось бы.

Подытоживая свои впечатления от встреч с русскими парижанами, прежде всего хочется отметить, с какой любовью они все без исключения относятся к русской культуре. Любовь эта не только не иссякла в людях, из которых многие свыше полувека живут за рубежом, а приняла, наоборот, характер подлинного преклонения. Многие из них хорошо знали некоторые из выпущенных нами томов «Литературного наследства» и весьма положительно отзывались о нашем издании. Все это весьма помогло мне в тогдашних поисках.

В дальнейшем я еще дважды ездил во Францию, а в одну из тех поездок побывал в Монте-Карло.

В результате этих поездок мне удалось отыскать, получить и отправить на родину множество архивных материалов по русской литературе XIX — XX веков, произведений отечественного изобразительного искусства, а также редчайших книг. Все это поступило в 17 наших хранилищ, архивов, музеев, библиотек, отделов рукописей. Только в ЦГАЛИ я передал 18 000 документов и около 150 работ русских художников, в том числе иллюстрации Александра Бенуа к произведениям наших писателей, 44 эскиза костюмов и эскиз занавеса Добужинского к «Ревизору». Кстати сказать, когда в серии моих статей «Парижские находки», печатавшихся в «Огоньке», появилась моя статья об этих эскизах с цветными репродукциями пятнадцати из них, Г. А. Товстоногов попросил у меня разрешения использовать эти эскизы для своей постановки «Ревизора» в руководимом им Большом драматическом театре в Ленинграде. И конечно, эту превосходную постановку весьма украсили привезенные мною из Парижа творения прославленного сценографа Добужинского.

Сейчас я завершаю подготовку книги «Парижские находки. Эпоха Пушкина». Опубликованные в номерах альманаха «Памятники Отечества» мои очерки «Воспетая Пушкиным», «Дневник Аннет Олениной» и «Зловещая красавица» составляют три ее первые главы.

¹ «Ему следовало бы умереть!» — слова Горация-отца из трагедии Корнелия «Гораций» (акт III, сцена 6).

² Строгановы являлись владельцами крупнейших солепромышленных и металлургических заводов и рудников в Перми и на Урале.